

Се Цзинтао?

Сяхоу Лянь был озадачен. Как он догадался?

Подняв платок, он ощутил резкий, густой аромат. Этот запах показался ему до боли знакомым, словно он уже где-то его встречал. Внезапно его осенило, и он поспешно произнес:

— Всё верно. Если отец позовет сюда старшего брата, правда выйдет наружу.

Лицо Госпожи Сяо исказилось от ярости.

— Что еще тут обсуждать? Эй, вы, заберите этого щенка Сяхоу Ляня, который развращает молодого господина! Заприте его, а как вернется Господин Дай, пусть забирает его обратно. С сегодняшнего дня и шагу не смей ступить в Поместье Се!

Се Бинфэн оборвал Госпожу Сяо и, повернувшись к Се Цзинланю, спросил:

— При чем здесь Цзинтао? Се Цзинлань, говори прямо!

Се Цзинлань холодно усмехнулся и медленно произнес:

— Старший брат ведь души не чает в этой куртизанке Лю. Любя её, он полюбил и всё, что с ней связано, даже платок этот повсюду носит с собой. Он пропитался запахом пудры старшего брата. Отец, неужели вы сами не чувствуете?

Се Бинфэн поспешно поднял платок и принялся. Запах действительно был до жути знакомым. Он знал, что где-то уже ощущал его, но, решив, что это просто духи куртизанки Лю, не придал значения.

Госпожа Сяо заискивающе улыбнулась:

— Хорошо, я сейчас же позову Цзинтао. Кормилица Лю, чего же ты ждешь, живо иди!

— Стой, не двигайся, — Се Бинфэн подозвал своего слугу. — Лайван, ты иди, пригласи старшего господина.

Се Цзинтао явился, раскачиваясь из стороны в сторону. Едва войдя, он уселся в стороне, ковыряя в зубах, и с нескрываемым злорадством уставился на Се Цзинланя и Сяхоу Ляня. С довольной ухмылкой он произнес:

— Матушка, я вообще-то книгами занимался, зачем звали? Ой, третий брат, что это ты весь в чае? Вид такой жалкий, прямо сердце сжимается.

С его приходом всё стало ясно: даже с пяти шагов от него разило ароматом, способным уморить комаров.

Говорят, чем уродливее человек, тем больше у него причуд. Се Цзинтао, осознавая, что красотой природа его обделила, старался компенсировать это иными способами. Увидев его, Се Бинфэн почувствовал, как сердце и печень зашлись в приступе ярости. Он хотел запустить в сына своей чашкой, но та уже была разбита о Се Цзинланя, поэтому он схватил чашку Госпожи Сяо и с силой метнул её в Се Цзинтао.

Се Цзинтао вздрогнул, рухнул на колени рядом с Се Цзинланем и затрясся:

— Отец, смилуйтесь, сын осознал свою вину!

— В чем же ты виноват?!

— Сын... я... — Се Цзинтао украдкой взглянул на Госпожу Сяо, и та одарила его гневным взглядом. — Сын не знает...

— Тогда в чем ты каешься?! — у Се Бинфэна затряслась борода. Он подхватил попавшуюся под руку метелку из перьев и с размаху огрел Се Цзинтао.

Тот заметался по комнате, вопя:

— Отец, хватит бить! Слуги же смотрят!

— Ты ещё о стыде вспоминаешь?! Забью до смерти, негодный сын!

— Матушка! Спасите!

Се Бинфэн был уже немолод, и такая погоня далась ему нелегко. Выдохшись, он оперся о стол и тяжело задышал. Се Цзинтао спрятался за спину Сяоу Ляня, втянув голову в плечи. Сяоу Лянь незаметно отодвинулся ближе к Се Цзинланю, обнажая своего спрятавшегося толстого черепаху.

Се Бинфэн указал на платок:

— Подлец! Этот платок твой?

— Если я скажу нет, вы всё равно не поверите.

— Ты! Пошел вон в Родовой храм, встанешь на колени и чтобы глаза мои тебя не видели!

— Хорошо, сейчас же пойду, только не злитесь, — Се Цзинтао встал и скомандовал слуге: — Эй, ты, живо тащи мою тахту, закуски, книжки... кхм, ну, те самые книжки, в Родовой храм!

— Мерзавец! — Се Бинфэна от ярости едва удар не хватил, дыхание перехватило, и он закашлялся так, что задрожали стены.

— Есть ещё один человек, — внезапно произнес до этого молчавший Се Цзинлань. — Ещё один человек должен отправиться в Родовой храм для наказания.

— Кто?! Неужели второй? Он всегда был прилежен, не чета тебе, как он мог дойти до такого? Се Цзинтао, мерзавец, это точно ты подбил Тань-эра на дурные дела!

— Почему сразу я? Тот малый — матушкин доносчик, я с ним не вожусь, — Се Цзинтао закатил глаза.

Се Цзинлань вскинул голову и с издевкой посмотрел на отца:

— Вот ведь незадача, я тут на днях заходил в Зал Культуры и Словесности почитать, да случайно наткнулся на пять томов с рисунками женщин из Вансянло, которые вы спрятали в Книгохранилище. Право слово, — уголки губ Се Цзинланя дернулись в зловещей усмешке, — весьма соблазнительные картинки.

Се Бинфэн побледнел и лишь спустя долгое время выдавил из себя:

— Закрой... закрой рот!

— Как звали ту артистку, о которой вы говорили? Куртизанка Лю? Не припомню, чтобы видел её в тех альбомах. А, вспомнил, там как раз не хватает одной страницы, словно кто-то её вырвал. Не вы ли это были, отец? — продолжал Се Цзинлань. — Отец, а вы, оказывается, великий романтик, раз носите с собой портрет куртизанки Лю.

— Закрой... закрой рот! — перед глазами Се Бинфэна потемнело от ярости, и он отвесил Се Цзинланю звонкую пощечину.

Раздался хлесткий звук, и пять красных полос отпечатались на бледном лице Се Цзинланя. В комнате воцарилась мертвая тишина.

На самом деле, альбомы из Книгохранилища могли принадлежать и не Се Бинфэну, но его бурная реакция подтверждала известную поговорку: нет здесь трехсот таэлей серебра. Все всё поняли.

Лицо Госпожи Сяо помрачнело, она указала на Се Бинфэна пальцем:

— Ты... неисправим! Я и не знала, что ты, столько лет проведя вдали от дома, успел завести связи в таких низких местах! Или ты с самого начала якшался с этой девкой?

— Недоразумение, это недоразумение, — Се Бинфэн покрылся потом. — Супруга, это ошибка. Это вещи одного моего старого знакомого, он просто попросил их придержать.

— Книги лежат на третьей полке стеллажа с пометкой Цзя, завернутые в обложку Чжоу Ли. Если не верите, можете сами сходить посмотреть, на форзаце даже стоит ваш личный штамп, отец, — бесстрастно добавил Се Цзинлань.

Госпожа Сяо побледнела, метнула в Се Бинфэна яростный взгляд и, развернувшись, направилась напрямик в Книгохранилище.

Се Цзинтао потянул Сяоу Ляня за рукав и прошептал:

— У твоего господина что, с головой не в порядке? Такое выкладывать — это же самоубийство.

— Это у тебя с головой не в порядке, — буркнул Сяхоу Лянь.

— Сын отправляется в Родовой храм, прошу отца беречь здоровье, — Се Цзинлань поклонился и увел Сяхоу Ляня.

Се Цзинтао постоял в замешательстве, а затем, подхватив полы халата, поплелся за ними. Се Бинфэн остался стоять один, застыв в оцепенении. Видя, как все слуги опустили головы, он понял, что его позор стал достоянием всех присутствующих. Лицо горело от стыда, и он решил скрыть смущение яростным окриком:

— Вон отсюда, все вон!

Родовой храм клана Се был очень стар. Стены покрылись золотисто-зелеными пятнами плесени, и при входе сразу чувствовался запах тлена — то ли это было старое дерево, то ли духи предков, притаившиеся в углах. Свечи горели тускло, освещая лишь крохотный пятачок перед алтарём.

Се Цзинтао, сжимая в руках нечто похожее на государственную жалобу, сам выбрал себе место и уселся, украдкой поглядывая на Се Цзинланя. В его взгляде смешались ненависть и восхищение, выражение его мясистого лица превратилось в некое подобие подозрительного пельменя.

Се Цзинлань выбрал самое дальнее место и опустился на колени. Сяхоу Лянь, видя это, не решился сесть и опустился рядом.

Се Цзинтао развернул бумагу и начал бормотать: «...в сговоре с бандами, замышляя бунт... сие есть преступление второе...» Почитав некоторое время, он сбился, замолчал и повернулся к Се Цзинланю.

— Эй, Се Цзинлань, а ты молодец.

Се Цзинлань не ответил, продолжая хранить каменное выражение лица.

— Вообще-то я давно знал про дела батюшки, несколько раз натыкался. Если бы не моя прыть, он бы меня поймал. Слушай, а если бы ты не выставил его позорище на всеобщее обозрение, всё было бы тихо-мирно, к чему это? — Се Цзинтао цокнул языком. — Но должен признать, раньше я думал, что ты какой-то размазня, смотреть противно, так и хотелось вмазать, а у тебя, оказывается, есть стальной хребет.

Се Цзинлань по-прежнему игнорировал его, но Се Цзинтао это не смущало.

— Давай так: будешь теперь со мной ходить. В следующий раз, как пойду в Вансянло, прихвачу тебя, хе-хе, попробуешь, что это за блаженство. Хотя, ты ещё маловат, не знаю, оценишь ли...

Сяхоу Лянь, видя, что разговор заходит в сомнительное русло, поспешно перебил его:

— Хватит уже. Наш господин — не чета вам. Читай свою бумажку и не болтай лишнего.

Се Цзинтао хмыкнул:

— Неблагодарные. — Он взглянул на документ, затем на них и недоверчиво спросил: — Вы что, даже не заучиваете жалобу? Отец послезавтра проверять будет.

— Какую жалобу? У нас её нет, — ответил Сяхоу Лянь.

— Жалобу на Вэй Дэ, конечно. Батюшке неймется, требует, чтобы весь дом заучил. Грамотные сами учат, а неграмотные — со слов дворецкого.

Сяхоу Лянь замолчал. Похоже, под «всем домом» Се Цзинтао подразумевал кого угодно, только не Двор Осеннего Тунгового Дерева. Сяхоу Лянь никак не мог понять: как при таком таланте и блеске Се Цзинланя, Се Бинфэн мог быть настолько слеп, что постоянно делал вид, будто того не существует.

Луна сместилась на запад, повиснув над ветвями ив. Свеча возле Се Цзинтао погасла — неизвестно когда, и в темноте раздался его храп. Ночь была тихой, в траве стрекотали сверчки. Снаружи поднялся ветер, заставив дверные створки дрожать, с потолка посыпалась пыль, подобная вечному снегу.

Сяхоу Лянь уже начал клевать носом, как вдруг дверь тихо приоткрылась. Кто-то за дверью издал «ссс», и Сяхоу Лянь, обернувшись, увидел Ляньсян и Матушку Лань. Они выглядели из-за двери, гримасничая и подавая знаки.

Сяхоу Лянь легонько толкнул Се Цзинланя, и они вдвоем, осторожно обойдя спящего Се Цзинтао, присели у порога.

Матушка Лань передала Сяхоу Ляню одеяло с печальным выражением лица:

— Ночью холодно, боюсь, вы замерзнете. Укройтесь пока этим, а если всё равно будет зябко, прижмитесь друг к другу, согреетесь.

Ляньсян, у которой было острое зрение, сразу заметила красный след на лице Се Цзинланя. Не нужно было гадать, что произошло, и её глаза тут же наполнились слезами.

— Матушка, как хорошо, что вы пришли, — Сяхоу Лянь накинул одеяло на плечи Се Цзинланя.

— Нам пора, а то если кормилица Лю узнает, опять начнется переполох, — прошептала Матушка Лань.

— Подождите, — Се Цзинлань ухватился за её рукав. — Матушка, вы знаете, почему отец так ненавидит меня и мою матушку?

Матушка Лань замерла, в её глазах мелькнул испуг.

— Я... — она, похоже, не хотела говорить об этом, долго мялась, но так и не решилась ответить.

— Матушка, я хочу знать правду.

Ляньсян подтолкнула её:

— Матушка, расскажите уже.

Матушка Лань вздохнула, посмотрела на Се Цзинланя и медленно начала:

— Твоя мать была служанкой при письме, ты ведь знаешь. Однажды старый господин перебрал лишнего и... и овладел ею. Поначалу это было пустяковым делом, в любом поместье такое случалось, но твоя мать оказалась упрямой. Она не вынесла позора и тайно сбежала из дома, чтобы подать жалобу чиновникам.

— И что потом? — спросил Се Цзинлань.

— Как назло, тот чиновник оказался несговорчивым ослом. Как отец ни просил, не помогло — его обвинили в насилии над служанкой и понизили в должности на три ранга. С тех пор отец возненавидел твою мать. Хотя она уже была беременна тобой, он не желал знать ни о ней, ни о тебе, — Матушка Лань вытерла слёзы. — Мужчины жестокосердны, но больше всего досталось твоей матери, да и тебе тоже.

— Раз уж она дошла до суда, значит, была готова порвать с Се Бинфэном навсегда. Как же она вернулась в дом в качестве наложницы? — спросил Сяхоу Лянь.

Матушка Лань покачала головой:

— В то время она ещё не знала, что беременна. А когда узнала, пути назад уже не было. Ты только представь: женщина, которая ничего не умеет, как бы она вырастила ребенка? Ребенку нужен отец. Она не хотела возвращаться, но я долго её уговаривала, и она согласилась.

Сяхоу Лянь открыл было рот, чтобы что-то сказать, но, глядя на слёзы Матушки Лань, промолчал.

— Господин был слишком жесток, — продолжала Матушка Лань. — Матушка жила в полном одиночестве в своем дворе, никто о ней не заботился, никто не жалел. Несколько лет она так промучилась и ушла из жизни.

Се Цзинлань кивнул:

— Я понял. Возвращайтесь скорее.

Ляньсян с грустью добавила:

— Молодой господин, берегите себя. — Она метнула гневный взгляд на Сяхоу Ляня: — Следи за господином как следует, в этот раз всё из-за тебя.

— Я знаю, — буркнул Сяхоу Лянь.

Плотно закрыв дверь, Се Цзинлань обхватил колени руками и уставился в темноту, о чём-то размышляя. Весь вечер он почти не проронил ни слова. Свечи окончательно погасли, комната погрузилась в непроглядный мрак, тяжелый и гнетущий, словно железо, и невыразимая печаль навалилась на его плечи так, что он не мог даже поднять головы.

Если бы тогда Матушка Лань не убедила его мать вернуться, может, она не угасла бы от тоски.

Быть может, сейчас он был бы таким же уличным сорванцом, как Сяхоу Лянь. Бегал бы с приятелями, устраивая пакости, а когда у матушки находилась минутка, она гонялась бы за ним с бамбуковой палкой по всей улице. А приятели кричали бы: Се Цзинлань, беги! Матушка догонит!

Глаза нестерпимо защипало, крошечная слезинка выкатилась из глаза, задрожала на длинных ресницах и скатилась по щеке прямо за воротник. Хорошо, что в комнате темно, Сяхоу Лянь не видит.

— Молодой господин.

Голос Сяхоу Ляня раздался внезапно. Се Цзинлань испуганно спрятал лицо в коленях, боясь, что тот заметит следы слёз.

— На самом деле, я тебя обманул, — тихо произнес Сяхоу Лянь.

— В чём обманул? — Се Цзинлань постарался придать голосу нормальное звучание, но в нём всё ещё слышалась гнусавость. Однако, так как он не поднимал головы, Сяхоу Лянь ничего не заподозрил.

— Я знаю, кто мой отец.

— Он ученый? Чиновник?

— Не важно, кто он, ты его всё равно не знаешь, — Сяхоу Лянь вертел в руках свои пальцы. — Матушка запретила мне его признавать.

Се Цзинлань поднял голову и спросил:

— Почему?

— Она сказала, что я — мужчина, который должен твердо стоять на ногах. Я не должен искать себе отца, наоборот, пусть другие называют меня отцом. И лучше бы, чтобы они делали это, стоя на коленях.

— ...

— Молодой господин, вы способнее меня. Вы заставите их не только называть вас отцом, но и рыдать при этом. Никогда не презирай юношу за его бедность. То, что случилось сегодня, и всё, что было с вашей матерью... мы со временем всё вернем.

Сяхоу Лянь говорил очень уверенно. Двое мальчишек, у которых ещё даже пушок не вырос, казалось, держат победу в руках. Се Цзинлань смотрел на Сяхоу Ляня сквозь непроглядную

тьму и видел, как в его глазах вспыхивает свет, подобный ночным звездам.

Его глаза были прекрасны. Сяхоу Лянь однажды сказал, что глаза Се Цзинланя очень похожи на глаза его матери. Се Цзинлань вспомнил ту женщину, о которой Дай Шэньян отзывался как о демоне, способном одним движением ножа разрубить всё на свете.

Сам не зная почему, он поверил. Неясно, поверил ли он в самого себя или в Сяхоу Ляня.

<http://bllate.org/book/26257/3145240>